

переживания очевидных истин. Если я вижу, что этот стол круглый, то меня уже очень трудно убедить в том, что он квадратный. Конечно, прагматические соображения, связанные с угрозой моим интересам, могут привести меня к замалчиванию или искажению непреложных истин восприятия, но сила их очевидности так или иначе будет упрямо убеждать меня в обратном. Отвержение несправедливости, насилия и надругательства часто перевешивает соображения выгоды, диктуемые нашим слишком «прагматичным» рассудком. Мы ничего так не боимся, как оказаться перед судом собственной совести последними негодяями, презренными подлецами или жалкими трусами, а потому стараемся сделать все, что в наших силах, чтобы избежать подобной уничижительной самооценки. Однако, как показывает автор в очерке, посвященном творчеству Шаламова, существуют обстоятельства, в которых эмоциональная и нравственная индифферентность приводит к тому, что инстинкт самосохранения вытесняет любой спонтанный протест, свойственный нашей совести. Эта моральная атрофия вызывает не только

утрату сочувствия к чужой боли, но и даже заглушает чувство ненависти к собственным истязателям. Поэтому, если сохраняется ненависть к палачу, то и сохраняются последние остатки совести, предохраняющие личность от окончательной нравственной деградации.

Как заметил однажды Хосе Ортега-и-Гассет, если любое животное, например, тигр не может перестать быть тигром, не может, так сказать, «растигриться», то человек, каким бы разумный он ни был, живет под постоянной угрозой утраты своей разумной или, что ещё хуже, гуманистической ипостаси. С человеком, как и с любым другим животным, могут произойти разные истории, но с человеком иногда происходит, кроме всего прочего, ещё и то, что он может перестать быть самим собой, иначе говоря, и вся история тому свидетель, он может «расчеловечиться». Дабы эта возможность не превратилась в действительность, необходимо чтобы каждое новое поколение людей, углубляя и переосмысляя свою «антропологическую субстанцию», не утратило бы при этом своего нравственного начала.

Человек в поисках ИСТИНЫ СВОЕГО БЫТИЯ

К.С. Романова

Вопрос о смысле жизни, так или иначе, невольно встает перед каждым человеком. Философия возникает именно там, где возникает вопрос о месте человека и его значении в мире, о его жизни и смерти. Ответы на эти вопросы давались и даются разнообразные, нередко противоположные по смыслу.

«Жизненное пространство», выходящее за регулируемые законом рамки социального бытия, является

полем свободной самореализации людей, их самопониманиям. Каким содержанием наполняется это пространство, зависит от уровня духовного развития человека, содержания его личных интересов и предпочтений.

Самопонимание индивидов оказывает влияние на духовный облик всего народа, на ту роль, которую они играют в историческом развитии, социальном прогрессе человечества.

Внутренняя духовная жизнь человека

– это такая среда, где каждый должен принимать решения относительно самого себя, принципов своей жизни. От понимания своего бытия зависят мотивы поведения личности, направленность ее практической деятельности. Наличие нравственных проповедей в общественном сознании не освобождает человека от эгоизма, циничного отношения к жизни и других пороков.

Аналогичным образом обстоит дело и с частными социальными интересами, которые, вопреки всем абстрактным лозунгам, начинают вырываться из «Ящика Пандоры», если общество снимет с него крышку.

Опыт общественной жизни дает массу, казалось бы, парадоксальных примеров того, как энергия людей может быть направлена на разрушение, а не на созидание, на движение вспять, а не вперед.

Парадоксальным представляется и постепенный возврат человека к переоценке результатов собственных деяний, его самокритика. Особенно это характерно для российского менталитета.

Про Россию на Западе говорят, что это – страна с непредсказуемым прошлым, потому что мы за достаточно короткий исторический период времени меняем ценностные ориентиры.

Самые благие побуждения в своей практической реализации могут приносить зло. Примеров этому можно из нашей действительности привести тьму. Достаточно вспомнить ставшее крылатым знаменитое выражение известного бывшего премьер-министра: «Хотели как лучше, получилось – как всегда!»

Покаяние в содеянном социальном зле полезно лишь для нравственного очищения, а в своей практической реализации приносит очередное зло, разрушение идеалов, переоценку собственной жизни, ведет к гибели.

К примеру, переоценка подвига советских солдат в победе над фашизмом в годы Великой Отечественной войны привела к суициду

ряд общественных деятелей, писателей – Юлию Друнину, В. Кондратьева и др., которые сами были участниками и героями этих событий, а в последствии в своих литературных произведениях искренне воспроизводили эти события, идеализируя, в лучшем смысле этого слова, советского солдата, воспевая его подвиг.

Человек, движимый своими ближайшими непосредственными интересами, обстоятельствами конкретных жизненных ситуаций, а, порой, просто эмоциями и страстями, – это не исключительное, а скорее массовое явление. Для такого индивида общие – и нравственные, и социальные принципы – лишь абстракции, которые хороши для теорий, разумных речей, но не для реальной жизни. И, вместе с тем, когда такой человек, вроде бы делавший все «правильно», в конкретных жизненных ситуациях оказывается перед «разбитым корытом» всей своей жизни, он начинает понимать реальную силу абстракций.

В абстрактных принципах самосознания находят выражение всеобщие, универсальные связи бытия индивида с окружающим его миром. Через них человек приходит к глубокому самопостижению своей сущности, которая, оказывается, не лежит на поверхности. Человек постигает эту сущность всю жизнь, и этот познавательный процесс не совпадает непосредственным образом с накоплением знаний о различных эмпирических предметах, с эрудицией.

Адекватное, свободное от иллюзий самопонимание является предпосылкой самоформирования человека как субъекта, на деле способного к решению определенных практических задач.

Практически участвуя в решении этих задач, индивид возвышает свое личное достоинство, соединяет идеальные представления самосознания с реальностью бытия.

Приведение внутреннего мира индивидов к универсальным общим нравственным и социальным

знаменателям – фундаментальная духовная проблема каждой эпохи. На этой основе достигается согласованность действий людей, позволяющая успешно решать встающие исторические задачи (отсюда – роль философии и религии в поисках истины бытия, равной смыслу жизни). Но на этой же основе формируются социальные противоречия в обществе между различными социально-психологическими группами, включая противоречия между «отцами» и «детьми».

Человек в истории через эволюцию претерпевает качественные изменения, но он сохраняет свое тождество и как естественный человек, и как представитель человеческого рода. Это реальное противоречие бытия человека определяет диалектический характер его самосознания себя как организм (тело) и как личность (носитель социальных качеств и сознания). Причем, эта связь проявляется даже на уровне бессознательного. Примером тому может служить любая стрессовая ситуация, психически переживаемая человеком. Она, как правило, приводит к соматическим (телесным) отклонениям от нормы, вызывая те или иные заболевания, и, наоборот, тяжелые соматические заболевания приводят к изменению психики человека.

Проблема адекватного самоопределения человека, проблема самосознания органически связана с определением его отношения к собственной жизни и деятельности, возможности их изменения в соответствии с найденной истиной бытия.

Человек, определивший для себя жизненные предпочтения и ориентации, качественно отличается от индивида, «плывущего по течению», действующего под влиянием случайных обстоятельств.

Один из видимых парадоксов самосознания состоит в том, что человек, будучи конечным существом («естественный» человек), стремится определить основание своей

бесконечности и построить жизнь в соответствии с этим основанием («социальный» человек).

Такая ориентация самосознания, на первый взгляд, выглядит иллюзорной, поскольку человек здесь вступает в борьбу со временем. Все преходяще, в том числе и сам человек, поэтому ориентация на вечность и представляется, вроде бы, не имеющей реального смысла. А между тем, именно такая ориентация придает самым различным формам деятельности адекватную направленность: лишь та деятельность человека дает истинный результат, которая как-бы стремится выразить его вечную сущность.

Цель жизни человека характеризует его социальное лицо (личность). Характер цели, которую индивид полагает основанием смысла своей жизни, определяет его духовное достоинство. Чем большую значимость имеет цель жизни человека, тем выше и социальная ценность его деятельности, а, соответственно, удовлетворенность своим бытием. Состояние удовлетворенности и воспринимается как выражение истинности бытия.

Представления человека об истине своего бытия являются подвижными (меняются, отвергаются и т.д.). Источниками коррекции являются как внутренние противоречия между удовольствием и удовлетворенностью через диалектику естественного и социального в человеке, так и внешние противоречия между личностью и социумом. Примером может служить деятельность ученого (а также учителя, врача и т.д.), занимающегося проблемами фундаментальных наук в нашей стране и ценностное отношение общества в целом, и государства, в частности, к роли этой деятельности. Что, в частности, выражается в ничтожной заработной плате за труд, и тем самым лишает возможности не только заниматься любимым делом, но и ставит на грань физического выживания.

Индивид может примерять внутренние противоречия собственного сознания

путем признания определенной иерархии ценностей, подчинения «низших» ценностей «высшим». Внешние противоречия между личностью и социумом могут разрешаться через поиски дополнительных источников существования, связанных с дополнительной работой или миграцией в другую страну, смену вида деятельности. Негативным разрешением этих противоречий может служить «уход» от них в алкоголь, наркоманию, что, в свою очередь, приводит к разрушению физиологической природы человека как целостного единства физического и психического в нем, к гражданской смерти личности.

В определении характера связи личного бытия, «своего мира» человека с бытием социума и лежит ответ на вопрос о смысле жизни или истинности бытия.

Некоторым может казаться естественным упрочение своего бытия за счет других, но тогда индивид преступает универсальную, нравственную норму общего блага: частные интересы приобретают приоритетный характер, вследствие чего, универсальные нормы нравственности воспринимаются как пустые иллюзии. Это подтверждается и практикой. К примеру, накопление капитала в

настоящее время поощряется любым путем, в том числе и криминальным, о чем свидетельствуют события нашей общественной жизни, очевидцами и участниками которой мы являемся.

Но этот опыт имеет свои исторические пределы. Современная ситуация с наибольшей очевидностью опровергает его. Отречение человечества от всеобщих нравственных и социальных принципов подталкивает человечество к неминуемой катастрофе. Чтобы спасти себя, индивид должен «раширить» свой мир до горизонта всеобщего универсального мира. Но это не реально, так как субъекты общественной жизни противопоставлены один другому противоположными интересами. Перманентность этих отношений находит свое отражение в пословицах: «Сытый голодного не разумеет», «У одного - щи жидкие, а у другого - жемчуг мелкий».

Эти факторы сказываются и в отношениях между социумами. Отсюда следует: признание всеобщих (общечеловеческих) истины разума и морали, руководство ими в принятии важнейших политических решений и, вообще, глобальное обустройство жизни – это путь к угрозе самоуничтожения. Те, кто понимает это - принимает идеи антиглобализма.